

ПОЗИЦИИ

«НУЖДАЕТСЯ ЛИ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В ОБРАЩЕНИИ К ЭМПИРИЧЕСКИМ ФАКТАМ?»

Н.И. Кузнецова

Эмпирическое и теоретическое в эпистемологии и философии науки

Кузнецова Наталья Ивановна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14. e-mail: cap-cap@inbox.ru

Утверждается, что ключевой проблемой современной эпистемологии и философии науки является проблема анализа эмпирического материала, для проведения которого не хватает инструментария. Показано, что теория социальных эстафет М.А. Розова (ТСЭ) акцентирует на этом внимание и предлагает оригинальную онтологическую модель устройства знания. Только теоретически выстроенная онтологическая модель позволяет вести систематический сбор эмпирии познания, которая богато представлена как в истории науки, так и в реальной научной практике активного работающего ученого.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, теория социальных эстафет, структура знания, онтологическая модель познания

Всякое исследование, принадлежит ли оно естествознанию или гуманитарным наукам, базируется на эмпирическом материале и работает с ним. Это не только очевидно, но попросту тривиально. Спрашивается: какой массив эмпирии был задействован для понимания и объяснения бытия знания и науки, а главное – чем определяется систематический сбор такого материала, какими онтологическими моделями? Постараюсь ответить на этот вопрос с позиций теории социальных эстафет, которую развивал М.А. Розов (1930–2011).

В свое время М.А. Розов поставил во главу угла именно такую проблему, и в своей книге «Проблемы эмпирического анализа научных знаний» [Розов, 1977] акцентировал этот ключевой вопрос. Принципиальную трудность для

построения знания о знании он сформулировал следующим образом. Знание парадоксальным образом не поддается объективации. Скорее, исследователь здесь работает «интроспективно», то есть исходит из понимания научных текстов и практики научной работы. «Образно выражаясь, знание все время “сопротивляется” отторжению, его никак не удастся “оттолкнуть” от исследователя на нужное для объективного анализа “расстояние”. Иногда оно напоминает чувственное восприятие, которое нельзя показать другому, но в этом смысле нельзя и сделать объектом изучения» [Розов, 1977, с. 20].

Как же справляться с такой трудностью? Напомним, что после манифестации первым позитивизмом необходимости для философии поставить на первый план изучение феномена науки, в эту философскую сферу приходит во второй половине XIX столетия целая плеяда авторитетных ученых-естествоиспытателей. В своей известной книге Дж. Пассмор специально отметил: «Естествоиспытатели становятся философами» (глава 14), подчеркивая атакующую силу этого движения [Пассмор, 1998]. Казалось бы, описывать науку и рассуждать о ней могут только те, кто успешно работает во благо научного познания. Эстафету подхватывает Э. Мах, для которого Венский университет создает в 1895 г. специальную кафедру – «философии индуктивных наук». Эту хронологическую точку можно считать институализацией того направления, которое в дальнейшем именуется уже не гносеологией, а, в противовес традиции, – эпистемологией и философией науки. Неопозитивисты, которые объединялись в Венский кружок, также знали науку не понаслышке. Однако в поле их анализа не попадали историко-научные исследования, поскольку история в глазах ученого слишком «случайна» и «гуляет» в потемках, пока не попадет на правильную стезю, ведущую к истине. Постпозитивизм кардинально поменял ситуацию: историко-научные данные провозглашаются подлинной эмпирической базой для любых обобщающих построений в философии науки. Поппер стремится показать, почему концептуальные построения Эйнштейна победили традиционную ньютонову механику; Кун знаменит своим анализом Коперниканской революции; Лакатос моделирует в своем мысленном эксперименте об «упрямом физике» открытие «на кончике пера» Жаном Леверье планеты Нептун, а также пытается реконструировать научно-исследовательскую программу Ньютона; Фейерабенд строит свои «скандальные» заявления об отсутствии универсальных методов научного познания, базируясь на материалах телескопических наблюдений Галилея.

Здесь хочется обратиться к еще одному важному соображению М.А. Розова. Он писал: «Различные ситуации эмпирического исследования далеко не однородны <...> и, в частности, опосредованный его характер может быть вызван очень разными причинами: ограниченностью органов чувств, сложностью и масштабностью объекта, его временными или пространственными параметрами. Для гносеологии важно последнее: ее объект сложен и недостаточно локализован как во временном, так и в пространственном отношении» [Розов, 1977, с. 11]. Таким образом, он предлагает долгий и опосредованный путь выявления неясного «целого», контуры которого размазаны в историческом пространстве-времени. И здесь должна помочь аналогия с такой дисциплиной, как экология. Розов не случайно вспоминает об изучении такого объекта, как

«круговорот воды в природе». Это простой модельный пример. Что важно для концептуального представления такого «круговорота»? Кратко говоря, изучение взаимодействия одних параметров с другими. При этом следует принять в расчет такие обстоятельства, как постоянная изменчивость изучаемых «параметров»: осадков то больше, то меньше, что не зависит от данной конкретной экосистемы, солнечная активность – абсолютной «внешний параметр», и предсказать засуху или бесснежную зиму практически невозможно, антропогенный фактор переменчив и зависит от быстро мутирующих технологий – и т.д. и т.п. Учет такого рода обстоятельств в социальной географии называют расчетом мультипликатора: конкретный универмаг бесполезно рассматривать как локализованную в пространстве и времени точку, напротив, мы должны принять во внимание, откуда поступают продукты и каковы транспортные возможности данного региона, каков потребительский спрос на товары и услуги, «полезность» данного товара зависит от географических и социокультурных факторов... Объект изучения буквально «расползается» на глазах.

Не так ли происходит с познанием?! Относительно феномена науки, который изучали к концу XX в., как минимум, в трех ипостасях – как систему знаний, как специфическую деятельность и как социальный институт – это такое «экологическое» представление науки уже становилось привычным. Историко-культурная динамика такого феномена также не вызывала сомнений. Мощной попыткой теоретически отразить «всё и сразу» мне представляется концепция акторно-сетевой теории Бруно Латура (АСТ) [Латур, 2013]. В АСТ много верного и даже бесспорного. Увы, добиться ясного ее изложения автору пока не удалось, несмотря на многочисленные публикации.

Но – знание? Как помыслить его? Каковы его качества или свойства, если учесть, что оно также является только «моментом» в круговороте социокультурной практики? Какую онтологическую модель знания предлагает теория социальных эстафет (ТСЭ) Розова? Выделю четыре основополагающих тезиса. 1. Знание суть феномен социальной памяти. В этом смысле знание никогда не принадлежит индивиду, не может быть «субъективным». 2. Знание есть мнемологическая структура, а последнее следует понимать как некоторый особый мир. Если Поппер указал на «третий мир», то, по Розову, мир следует «учетверить» и признать, что организованная социальная память обладает специфическим бытием, которое мы пока в эпистемологии почти не изучали. 3. Ячейка социальной памяти, в которую постоянно вносится все новая и новая информация, имеет два идентификатора. Один – так называемый «дифференциатор», куда записывается та информация, которую потом используют как референцию соответствующих высказываний (то, **о чем** мы знаем). Второй – так называемый «репрезентатор», куда записывается то, что мы умеем делать с освоенным практически объектом (то, **что** мы знаем). Сегодняшнее широко распространенное в эпистемологии употребление слова «репрезентация», к сожалению, весьма далеко по содержанию от термина «репрезентатор» в ТСЭ. Слова совпали (точнее, совпал звукоряд), а смысл весьма различен. Разве можно свести познание исключительно к «представлениям», какими бы сложными они ни были? В ТСЭ такое сведение исключено. Только Т. Кун в гордом одиночестве, несмотря на оглушающую критику, мужественно отстаивал взгляд,

что в познании меняются не только представления (репрезентации), но даже референты. Планеты как «блуждающие звезды», вода как первоэлемент, флогистон и эфир были не «способами репрезентации» в научном познании чего-то иного, а именно – референтами [Кун, 2014]. 4. Наконец, ТСЭ предписывает пристально следить за динамикой научной рефлексии, но ни в коем случае не отождествлять способы осознания своей работы исследователями с эпистемологическим анализом. Специфика рефлексивного анализа в ТСЭ – это особая тема. В данном случае нам важно указать, что рефлексия ученых становится важным компонентом эмпирического анализа познавательных ситуаций. Такая постановка вопроса была характерна только для концепции Розова [Розов, 2008].

Приходится признать, что даже после разработки концепции социальных эстафет проблема эмпирического и теоретического в современной эпистемологии и философии науки остается по-прежнему актуальной, при этом – в полноте своей не осмысленной. Ясно, что без построения исходной онтологической модели изучаемого объекта нет никакой возможности вести сбор и анализ эмпирического материала. набросок основных черт такой онтологической модели приведен выше. Знание есть композиция двух ячеек памяти – референциальной и репрезентационной. И сама композиция, и содержание записи в обе ячейки исторически переменчивы и зависят от социокультурной ситуации. Показать, как меняются эти «записи» – задача уже исторической эпистемологии.

Список литературы

- Кун, 2014 – Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. 443 с.
 Латур, 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
 Пассмор, 1998 – Пассмор Дж. Сто лет философии. М.: Прогресс-традиция, 1998. 496 с.
 Розов, 1977 – Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 223 с.
 Розов, 2008 – Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.

Empirical and theoretical in epistemology and philosophy of science

Nataliya I. Kuznetsova

Institute for the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences. 14, Baltiyskaya st., Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail: cap-cap@inbox.ru

It is argued that the key problem of modern epistemology and philosophy of science is the problem of analyzing empirical material for which there is a lack of tools. It is shown that the theory of social relay races by M. Rozov (TSR) focuses on this and offers an original ontological model of the structure of knowledge. Only a theoretically built ontological model of cognition allows for a systematic collection of empirical knowledge, which is richly represented both in the history of science and in the real scientific practice of an actively working scientist.

Keywords: epistemology, philosophy of science, theory of social relay races, structure of knowledge, ontological model of cognition

References

Kuhn, T. *Posle «Struktury nauchnykh revolyutsyi»* [After “The structure of scientific revolutions”]. Moscow: AST Publ., 2014, 443 pp. (In Russian)

Latur, B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: how to follow scientists and engineers through society], Saint Petersburg: Evropeiskii Universitet v Sankt-Peterburge Publ., 2013, 414 pp. (In Russian)

Passmore, J. *Sto let filosofii* [A hundred years of philosophy], Moscow: Progress-traditsiya Publ., 1998, 496 pp. (In Russian)

Rozov, M. *Problemy empiricheskogo analiza nauchnykh znaniy* [Problems of empirical analysis of scientific knowledge], Novosibirsk: Nauka Publ., 1977, 223 pp. (In Russian)

Rozov, M. *Teoriya sotsial'nykh estafet I problem epistemologii* [The theory of social relay races and problems of epistemology], Moscow: Novyii khronograf Publ., 2008, 352 pp. (In Russian)